

нием к подданным, в то время как в русской сказке настойчиво подчеркивается смелость и геройство младшего.

Но в повести многое импонировало русскому читателю. Как показывает сопоставление известных нам двух списков «Истории», интерес читателей был прикован к образу младшего наследника престола, Декоронию (Декоренцу), изгнанному своими старшими братьями и несправедливо отчужденному от власти. Судьба этого вымышленного героя несколько напоминала собой реальную судьбу царевны Елизаветы Петровны, которая в годы царствования Анны Иоанновны, в пору разнузданного произвола, казней и истязаний ни в чем не повинных людей, также оказалась в числе опальных и была отстранена от власти. Между тем, как тогда многим казалось, она могла бы принести русскому народу избавление от ненавистного немецкого засилия при дворе, от произвола и надругательств над русскими.

Вступление Елизаветы Петровны на престол после мрачного царствования Анны Иоанновны было поэтому встречено в русском обществе восторженно. Об этом говорят как произведения известных писателей, так и многочисленные духовные проповеди 40-х годов,⁸ описания дня восшествия на престол (т. е. переворота 24 ноября 1741 г.),⁹ школьная драма «Стефанотокос»,¹⁰ возникшая в Новгороде в начале 40-х годов, которая в аллегорической форме рассказывала о дворцовом перевороте.

В этих произведениях Елизавета награждалась всевозможными добродетелями. Но прежде всего ей приписывались кротость и терпение, твердость в напастях и беззлобие, отказ от насилий и кровопролития, т. е. те же черты, которыми наделен и Декороний. Особенно бросается в глаза идейно-тематическая близость между повестью о Декоронии и драмой «Стефанотокос». Они написаны на одну и ту же тему, и героем каждой из них является несправедливо гонимый, отстраненный от власти наследник престола, которому все же удается преодолеть все препятствия благодаря своему уму, кротости и беззлобию.

О близости этих сочинений друг к другу говорят и имена героев: будучи оба значащими (Стефанотокос — «рожденный в венце»,¹¹ Декороний — «лишенный короны»), они, кроме того, сходны по характеру своего образования. Общность указанных произведений (в замысле и в его решении) объясняется скорее всего сходными жизненными обстоятельствами, их породившими. И повесть, и драма были в ходу в условиях правления дочери Петра, неожиданно заблеставшей отраженным светом величия своего отца.

Каков бы ни был путь возникновения «Истории» о Декоронии, она довольно прочно входила в репертуар рядового читателя XVIII в. и в общее русло «массовой» литературы.

⁸ Н. А. Попов. Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны. — Летописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовым, т. II, М., 1859.

⁹ См., например, «Историческое описание о восшествии на престол имп. Елизаветы Петровны», опубликованное в «Русском вестнике» (1842, № 4, отд. II, стр. 1—15). Н. С. Тихонравов датировал это «описание» началом 40-х годов (см. его «Примечания» ко II тому «Русских драматических произведений 1672—1725 г.» (СПб., 1874, стр. ХСVII). «Примечания» не выходили в свет и известны всего лишь в нескольких экземплярах.

¹⁰ Текст «Стефанотокоса» был напечатан Тихонравовым в «Примечаниях» ко II тому «Русских драматических произведений». Текст драмы занимает стр. XXXVII—LXXXIV и «Примечания» к ней — стр. XXXV—CII.

¹¹ П. О. Морозов. История русского театра, т. I. СПб., 1889, стр. 351.